

Известия - 2002 - 10 июля - с. 10

Василий ГЕРЕЛЛО, оперный певец: Спеть Вагнера не соглашусь даже на гильотине

Василий ГЕРЕЛЛО, звезда Мариинского театра, сейчас в России гость редкий. Театральная география одного из лучших баритонов Европы — парижская «Опера Бастиль», нью-йоркская «Метрополитен-опера», лондонский «Ковент-Гарден», берлинская «Дойче Опер»... Сегодня Герелло на сутки вернется в Петербург — он примет участие в концертном исполнении «Паяцев» в родной Мариинке. Перед концертом с ним встретилась спецкор «Известий» Юлия КАНТОР.

— Имея столь бурный гастрольный график, вы еще не забыли русский и украинский?

— Нет, конечно. Я вообще-то космополит, не в советском понимании, а в нормальном — европейском. Я «западенец» — из Буковины, из Черновцов. И забыть родную маму. Мы с женой — она тоже с Западной Украины — разговариваем только на украинской мове. И сынишку учим, хотя он у нас разговаривает и на нескольких европейских языках, чем я страшно доволен. Каждый год бываю на Украине, хотя бы пару недель, там ведь родители, родня. А русский — второй родной: именно в Ленинграде я сделал первые шаги в профессии, именно в Ленинградской консерватории меня нашел Мариинский театр, где я пою с третьего курса. Это было в 1990 году. С тех пор с Питером и Мариинкой я не расстаюсь.

— В семье музыканты есть?

— Жена — тоже выпускница консерватории, она закончила дирижерско-хоровой факультет. А родители мои — совершенно нормальные люди, так сказать, рабоче-крестьянская семья. Просто на Украине все поют — так принято, понимаете ли. Вот и я пел. И играл на всех инструментах, которые были вокруг: аккордеон, гармонь, дудочки всякие. А потом выяснилось: в семье не без уродца, и пение стало любимой профессией. Решил ехать в Ленинград, поступать в консерваторию. Хотел именно сюда — не в Киев, не во Львов. И, видимо, интуиция не подвела.

— Вам одинаково комфортно и в русском, и в итальянском ре-

пертуаре, и в жанре народных песен. А предложений спеть Вагнера, нынче в Мариинке модного, или Прокофьева нет?

— К счастью, и у нас в Мариинке, и на Западе меня в основном видят в итальянском репертуаре. В первую очередь это Верди, а также Доницетти и Беллини. Жалею лишь, что меня мало видят в русской музыке. А вот Вагнера и Прокофьева — ни за что! Я бы просто потерял голос через полгода. Это не для меня. Не соглашусь даже на гильотине.

— Чего не хватает в жизни?

— Тишины. Травы и украинского солнца. Впрочем, солнца много, например, в Италии — когда приезжаю в «Ла Скала», это чувствую.

— Когда вы на сцене, возникает ощущение, что вы поете на успешной премьере: вам явно нравится...

— Очень нравится, причем ощущение этой радостной новизны с годами не проходит. Иногда на концерте, когда оркестр, например, играет увертюру или какое-то произведение, где не нужен солист, я стою за кулисами и думаю: «Ну зачем? Я бы сейчас мог петь». Когда красивая женщина после концерта говорит приятные слова — душа радуется.

— Эта сентенция из тенорового репертуара?

— Ничего подобного! Теноры ухаживают, а баритоны — любят. Мне действительно нравится моя работа, мне вообще нравится жить — у меня отличная жена, прекрасный сын, меня многие любят и некоторые в меру не любят. Что еще надо?

Санкт-Петербург

